

БАЙКАЛ

НЕ МЕСТО. НЕ ЛЕГЕНДА. СОСТОЯНИЕ.

ИСТОРИЯ О ВЫБОРЕ, ГРАНИЦАХ
И ВНУТРЕННЕЙ МЕРЕ

ВЛАДИМИР ПАВЛОВ

Владимир Павлов

Байкал

«Автор»

2026

Павлов В. А.

Байкал / В. А. Павлов — «Автор», 2026

Он приезжает на Байкал, надеясь вырваться из привычной жизни и найти слова, которые снова будут звучать честно. Но вместо готовых ответов его ждут осенние штормы, чёрный лёд, дыхание нерпы, прямые разговоры с местными жителями и границы, которые нельзя нарушать ради красивого кадра. Это не история о чудесном исцелении или покорении стихии. Это путешествие человека, который постепенно учится различать смелость и беспечность, впечатление и ответственность, чужое «нет» и собственное желание. «Байкал» — атмосферная проза о большой воде, человеческой мере и переменных, которые начинаются не с громких обещаний, а с одного точного шага.

© Павлов В. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Подо льдом	5
Часть первая. Берег, который ничего не обещает	7
Глава 1. Билет без обещания	9
Глава 2. Дорога к воде	11
Глава 3. Дом Дарьи	13
Глава 4. Первое утро	15
Береговая история. Тропа над водой	17
Глава 5. Погода без извинений	18
Глава 6. Та, которая уехала	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Павлов

Байкал

Пролог. Подо льдом

Лед заговорил в половине третьего ночи.

Я проснулся не от громкости — первый звук был коротким, почти домашним, будто в соседней комнате передвинули тяжелый стул. Потом под полом прошел гул. Он удалился к середине озера, вернулся, на мгновение задержался возле самой стены и ударил дальше, под темноту.

В комнате было холодно. Печь прогорела, оконное стекло затянуло белым папоротником. На спинке стула висла куртка, на полу стояли ботинки, еще твердые после вчерашнего перехода. Я лежал, не двигаясь, и слушал, как огромное поле за окном меняет напряжение.

— Не бегите наружу, — сказал вечером Илья. — Что бы ни услышали. Лед разговаривает не для того, чтобы его перебивали.

Тогда я усмехнулся. Теперь было не до улыбки.

Второй удар оказался сильнее. В темноте дрогнула кружка на столе. Где-то далеко, за мысом, ответил другой раскат — ниже и медленнее. Между ними возникла тишина, в которой я внезапно различил собственное дыхание. Оно было слишком частым.

Я вспомнил вчерашний путь: белые линии под ногами, далекие щелчки в толще льда, маленькое зимовье, которое долго не становилось ближе. На закате Михалыч проверил прогноз и сказал, что мы останемся ночевать. Тогда задержка показалась разумной и почти уютной.

Теперь нас отделяло от поселка несколько километров ледового пути. Ближайшее жилье, кроме зимовья, было далеко. Телефон показывал одну полоску связи, потом не показывал ничего. Весь вечер я убеждал себя, что домик надежный, вчерашний маршрут проверен, Илья осторожный. Ночью эти доводы выглядели бумажными.

Гул снова прошел под домом.

Я сел, накинул куртку и подошел к окну. Сквозь узкую проталину в изморози виднелся кусок неба. Оно было темно-синим, безлунным. На лед падал свет звезд, и от этого поле казалось не белым, а стальным. Нигде не двигалось ни одной точки.

В дверях показался Илья. Он держал фонарь, но не включал его.

— Проснулись? — спросил он.

— Это нормально?

— Для льда — да.

— А для нас?

Он прислушался. В его молчании не было позы человека, который знает природу лучше приезжего. Он просто не спешил отвечать за то, чего не мог обещать.

— До утра сидим здесь, — сказал он. — Потом посмотрим.

— Что посмотрим?

— Что изменилось.

В городе такой ответ показался бы уклончивым. Там любое ожидание хочется заполнить словами, расчетами, уверениями. На льду я понял другое: иногда точность начинается с отказа делать вид, будто будущее уже известно.

Илья подложил в печь два полена. Огонь занялся не сразу. Мы сели напротив друг друга, и еще несколько часов озеро ворочалось под нами, как существо, которому не было до нас никакого дела.

К этой ночи я шел почти год. Хотя, покупая первый билет, думал, что еду всего на десять дней.

Часть первая. Берег, который ничего не обещает

Осенняя тайга у воды. Художественная иллюстрация.

Глава 1. Билет без обещания

Все началось с голосового сообщения, которое Илья прислал в конце сентября.

Мы не виделись двенадцать лет. Когда-то работали в одной экспедиционной группе: я писал тексты для небольшого журнала, он отвечал за лодки, горючее и ту часть жизни, о которой вспоминают лишь тогда, когда она внезапно перестает работать. Потом журнал закрылся, я ушел в рекламу, Илья вернулся на Байкал. Несколько лет мы поздравляли друг друга с Новым годом, затем перестали и это делать.

В сообщении не было ни приветствия, ни объяснений.

«Если собрался когда-нибудь приехать, приезжай сейчас. Через две недели погода закроет воду. Дальше ждать весны».

Я прослушал его дважды и положил телефон экраном вниз.

За окном стеклянной переговорной стоял теплый московский вечер. Люди выходили из офисов, такси ползли к перекрестку, курьеры с квадратными сумками лавировали между машинами. На столе передо мной лежала презентация о новой линейке минеральной воды. В ней слово «настоящая» встречалось семнадцать раз.

Последние месяцы я все чаще замечал, что не могу дочитать собственные тексты. Фразы были правильными, гладкими и пустыми. Они не лгали напрямую, но каждая старалась убедить читателя, будто бутылка, поездка, устройство или новый тариф способны заменить решение, которое человек должен принять сам. Я научился делать это убедительно и однажды обнаружил, что говорю так же даже с близкими.

В тот вечер мне предстояло выступить перед заказчиком. Я вышел к экрану, произнес первые три предложения и вдруг услышал их со стороны. Не голос — механизм голоса. Четкие паузы, умеренная уверенность, заранее рассчитанная улыбка. Дальше я говорить не смог.

Коллега решил, что мне стало плохо. Я не стал его разубеждать.

Дома я открыл сайт авиакомпании. Билет до Иркутска стоил дороже, чем я ожидал, а обратный рейс приходился на утро важной встречи. Я минут десять переставлял даты, добиваясь удобства, пока не заметил, что снова занимаюсь привычным: пытаюсь войти в незнакомое решение так, чтобы ничего знакомого не пришлось менять.

Тогда я купил билет без возврата.

Илья ответил утром одним словом: «Встретим».

Собирался я нелепо. Взял три свитера, два блокнота, дорогую камеру, запасные аккумуляторы, таблетки от всего, что сумел вспомнить, и легкие городские ботинки, потому что хорошие трекинговые так и не купил. За день до вылета позвонила мать.

— Ты же не полезешь там куда-нибудь? — спросила она.

— Я еду писать.

— Это не ответ.

— Тогда не поезди.

Я сказал это слишком быстро. Мы оба услышали.

В самолете мне досталось место у окна. Через четыре часа облака разошлись, и под крылом появилась земля, собранная в длинные темные складки. Между ними лежал снег. Рек не было видно; только иногда серебряная линия прорезала лес и снова исчезала.

Соседка, пожилая женщина в шерстяном платке, спросила, впервые ли я лечу в Иркутск.

— Заметно?

— Вы все время смотрите вниз.

— А местные не смотрят?

— Местные тоже. Только они не ждут, что сейчас увидят ответ.

Она сказала это без загадочности, поправила ремень и уснула. Я подумал, что Илья мог бы произнести примерно то же самое, и впервые пожалел о поездке.

Утро в Иркутске было сухим и прозрачным. Воздух пах авиационным керосином, дымом и чем-то ледяным, хотя температура держалась выше нуля. Илья ждал у старого микроавтобуса. Он стал шире в плечах, короче подстригся, поседел у висков. Мы обнялись неловко, как люди, которые помнят прежнюю близость, но еще не знают, действует ли она теперь.

Он взял мою сумку, оценил ботинки и спросил:

— Ты серьезно?

— Что?

— Вот это на ногах.

Так закончились мои первые тридцать секунд в Сибири.

Глава 2. Дорога к воде

Мы выехали из города до рассвета. Илья поставил на панель бумажный стакан с кофе, включил обогрев и предупредил, что будет молчать: ночью он ходил встречать другую группу и почти не спал.

Молчание оказалось удобным. За окнами тянулись поселки, заправки, рекламные щиты, склады. Потом дома стали реже, дорога поднялась, и началась тайга. Сначала ровная, будто нарисованная одной темной кистью, затем разная: сосны на сухих склонах, березовые островки, лиственницы с желтой хвоей. Иногда лес расступался, показывая поля, на которых лежал тонкий иней.

Часа через два Илья остановился возле придорожного кафе. На стене висела выцветшая фотография Байкала: синяя вода, белый теплоход, скала, подсвеченная таким солнцем, какого в природе почти не бывает. Я показал снимок Илье.

— Красиво?

— Удобно, — ответил он.

— В каком смысле?

— Такой Байкал никого не тревожит. Купил открытку и поехал дальше.

Он заказал буузы, чай и заставил меня купить резиновые сапоги в соседнем магазине хозяйственных товаров. Сапоги были на размер больше, пахли складом и стоили как ужин в московском кафе.

— Потом спасибо скажешь.

— А если не пригодятся?

— Тогда скажешь особенно убедительно.

За столиком у окна сидели двое мужчин в рабочих куртках. Они обсуждали ветер, уровень воды у причала и сломанный стартер. Ни разу не произнесли слово «Байкал», хотя весь разговор был о нем. Это поразило меня сильнее, чем придорожная фотография. В городе название озера звучало как готовая метафора. Здесь оно часто оказывалось избыточным: если вокруг одна большая вода, достаточно сказать «пошло с севера» или «у берега стало ниже».

После кафе дорога сузилась. Асфальт местами вспух, на поворотах лежала мокрая хвоя. Связь пропала. Я достал телефон, увидел пустой угол экрана и автоматически поднял аппарат выше.

— Можешь еще окно открыть, — сказал Илья. — Иногда помогает почувствовать себя глупее.

Он улыбнулся впервые за утро.

Ближе к полудню лес впереди посветлел. Я ждал эффектного появления воды — такой момент всегда монтируют в фильмах: поворот, музыка, внезапный простор. Но Байкал показался иначе. Между стволами возникла узкая серая плоскость, почти неотличимая от неба. Она мелькнула и исчезла. Потом появилась снова, шире, с темной полосой гор на противоположной стороне.

Илья ничего не сказал. Я тоже.

Мы остановились на площадке над берегом. Ветер сразу нашел щель между воротником и шеей. Внизу волна без спешки перекачивала камни, и каждый откат сопровождался сухим множественным стуком. Вода была не синей. В ней смешались свинец, стекло и тусклый свет. Она казалась холодной еще до того, как я коснулся ее.

Спуск оказался круче, чем выглядел сверху. Я поскользнулся на мокрой траве, ухватился за ветку и услышал, как Илья за спиной негромко сказал:

— Началось обучение.

У кромки лежали плоские черные камни. Я присел и опустил ладонь в воду. Боль пришла мгновенно, чистая и ясная. Хотелось отдернуть руку, но я почему-то удержал ее еще секунду.

— Ну? — спросил Илья.

Я искал слово, которое не звучало бы туристически. Не нашел.

— Холодная.

— Вот и хорошо. Значит, пока не врешь.

Мы стояли молча. Через минуту я заметил, что на противоположном склоне идет снег. Он двигался белой завесой вдоль гор, хотя над нами светило солнце. Расстояние было таким, что в одном взгляде помещались две разные погоды.

Илья уже спускался к машине. Я вытер ладонь о куртку и пошел за ним.

Глава 3. Дом Дарьи

Гостевой дом стоял в конце поселка, за невысоким штакетником. На калитке висела деревянная нерпа с круглыми глазами, вырезанная, вероятно, для туристов. Настоящая собака под крыльцом посмотрела на нас с меньшим дружелюбием.

Дарья вышла в фартуке, вытерла руки о полотенце и первым делом спросила, ел ли я. Не как хозяйка, предлагающая услугу, а как человек, которому нужно быстро определить серьезность чужого положения.

— В дороге, — сказал я.

— В дороге все едят неправильно. Заходите.

Ей было около шестидесяти. Волосы собраны в тугий узел, рукава закатаны, движения быстрые. Она показала комнату, баню, ведро для воды и выключатель в коридоре, который нельзя трогать, потому что «он для насоса, а не для любопытных».

На кухне пахло тестом, луком и сушеной травой. За столом уже сидела женщина лет тридцати пяти в красном пуховике. Перед ней лежали путеводитель и телефон с открытой картой.

— Марина, — представилась она. — Я на ретрит.

Илья поднял бровь.

— На какой?

— Десять дней без социальных сетей. Тишина, перезагрузка, соединение с местом.

— Связи все равно нет, — сказала Дарья, ставя перед ней тарелку. — Так дешевле выходит.

Марина рассмеялась не сразу. Она работала финансовым директором, приехала одна, привезла коврик для йоги, штатив и список точек, которые хотела посетить. На третий день у нее был запланирован рассвет на мысе, на четвертый — поездка к «месту силы», на пятый — съемка с дрона.

— А у вас? — спросила она меня.

— Ничего.

— Совсем?

— Мне сказали приехать.

— Отлично. Значит, запрос еще не сформулирован.

Я хотел возразить, но понял, что не знаю, какой именно у меня запрос. Пришлось промолчать.

После обеда Илья ушел к причалу. Дарья дала мне ключ и старую эмалированную кружку.

— Чай можно брать сколько хотите. Только воду зря не лейте.

— Здесь же озеро рядом.

Она посмотрела на меня так, как смотрят на ребенка, обнаружившего, что хлеб растет не в магазине.

— Рядом — не значит ваша. И чистая — не значит бесконечная.

Вечером отключили электричество. Дарья зажгла керосиновую лампу и продолжила чистить рыбу. Марина сначала фотографировала тени на стене, потом обнаружила, что телефон разрядился, и занервничала.

— Часто у вас так?

— Достаточно, чтобы свечи держать под рукой.

— А когда включают?

— Когда починят.

На улице поднялся ветер. Дом отзывался на него разными голосами: постукивала труба, скреблась ветка по крыше, в сенях вздрагивало плохо закрепленное ведро. Я ожидал, что Дарья будет прислушиваться, но она спокойно работала ножом.

— Не страшно одной? — спросил я.

— Я не одна. Соседи рядом.

— Я про озеро.

— А оно что, в дом собирается?

Она не смеялась надо мной. Просто не понимала, зачем приписывать воде намерения.

Позже мы пили чай. Дарья рассказывала о дочери в Иркутске, о внуке, который обещал приехать на каникулы, о том, как весной вода подмывает край дороги. В ее речи Байкал не был ни божеством, ни декорацией. Он был условием жизни, огромным и переменчивым, как время.

Перед сном я вышел на крыльцо. Электричество еще не дали. Поселок лежал в темноте, зато небо стало близким. За домами шумела вода. Я не видел ее, но по звуку понимал, что волна усилилась.

Марина стояла у калитки, обхватив себя руками.

— Красиво, — сказала она.

— Да.

— И немного неуютно.

Я кивнул.

Мы оба еще считали, что это одно и то же чувство.

Глава 4. Первое утро

Утром меня разбудила тишина. Ночью дом был полон голосов ветра, а теперь исчезло даже привычное шуршание за стеной. Я открыл окно и услышал, как с карниза падает капля.

Поселок укрыл тонкий снег. Он лежал на крышах, дровах, перевернутых лодках, но не на земле: трава еще хранила тепло и проступала темными полосами. Небо очистилось. Вода, вчера серая, стала густо-синей, почти черной у берега.

На кухне Дарья месила тесто.

— Илья ушел вниз, — сказала она. — Просил вас догнать. Только сапоги наденьте.

Я спустился к причалу. Доски были покрыты ледяной коркой. У самого берега плавали круглые листья льда — тонкие, прозрачные, сталкивающиеся с тихим стеклянным звоном. Илья стоял в лодке и вычерпывал воду.

— Сегодня выйдем? — спросил я.

Он посмотрел на горы, затем на юг.

— После обеда решим.

— Прогноз хороший.

— Прогноз живет в телефоне.

— А погода?

— Здесь.

Я помог закрепить тент. Работа была простой, но пальцы быстро замерзли. Илья показал, как завязывать узел, который можно распустить мокрой рукой. Мой первый узел выглядел надежно и затянулся намертво. Илья отрезал веревку.

— В городе ты любишь делать надолго? — спросил он.

— Стараюсь.

— На воде иногда важнее сделать так, чтобы можно было быстро передумать.

Он сказал это о веревке. Я услышал больше и рассердился — не на него, на собственную готовность находить символы во всем подряд.

Мы пошли вдоль берега проверить второй мотор. Камни были мокрыми, между ними застыл снег. В моих новых сапогах нога ходила свободно; дважды я едва не упал. Илья двигался медленно, но ни разу не потерял равновесия.

За мысом открылась небольшая бухта. Вода там была прозрачной до дна. На глубине лежали светлые плиты, пересеченные темными трещинами. Из-за преломления казалось, что до них можно дотянуться рукой.

— Сколько здесь? — спросил я.

— Метров семь, может, девять.

Я отступил от края.

Илья заметил, но ничего не сказал. Мы сидели на камне, ели хлеб с сыром и смотрели, как далеко от берега идет одинокая лодка. Ее мотор был почти не слышен. За лодкой тянулась тонкая белая линия, которая медленно исчезала.

— Ты зачем позвал? — спросил я.

— Думал, сам знаешь.

— Не знаю.

— Тогда рано отвечать.

— Ты всегда так разговариваешь?

— Нет. Обычно мне некогда.

Он бросил чайный пакетик в кружку и залил его водой из термоса. В этом жесте было столько бытовой простоты, что вся моя готовность к значительному разговору рассыпалась.

На обратном пути мы встретили Марину. Она шла к мысу со штативом и термокружкой.

— Там лучший ракурс? — спросила она, показывая вперед.

— Для чего? — уточнил Илья.

— Для рассвета.

— Рассвет был два часа назад.

— Я имею в виду завтра.

Илья объяснил дорогу и добавил, что ночью обещают ветер, поэтому одной идти не стоит.

Марина нахмурилась.

— Но тропа же отмечена.

— Тропа не обязана оставаться там, где ее нарисовали.

Она поблагодарила, однако по ее лицу было видно: предупреждение прозвучало как попытка ограничить свободу.

Береговая история. Тропа над водой

До мыса мы с Ильей все-таки дошли — не на рассвете и не ради фотографии, а днем, когда тропа подсохла после ночного снега.

Она начиналась за последним домом, поднималась между сосен и скоро выходила на склон. Слева стоял лес, справа под камнями шумела вода. На карте путь выглядел ровной линией длиной в несколько километров. В действительности линия то исчезала под осыпью, то раздваивалась, то упиралась в поваленное дерево.

— Какая правильная? — спросил я у развилки.

— Обе были правильные, — ответил Илья. — До весны.

Нижнюю тропу подмыло. Верхняя сохранилась, но на ней лежал свежий ствол. Пришлось обходить по лесу. Под ногами хрустели ветки, снег скрывал ямы. Я несколько раз сверялся с навигатором. Синяя стрелка уверенно показывала, что мы идем в стороне от маршрута.

— Мы отклонились.

— От чего?

— От трека.

— Трек записали прошлым летом. Дерево упало вчера.

Навигатор был точен. Ошибка возникала в моем ожидании, будто точность координат гарантирует неизменность земли.

Выше лес расступился. Мы вышли на каменную полку. Озеро лежало под нами, огромное и почти ровное. Из-за высоты исчез привычный звук гальки, только ветер проходил между соснами. На противоположной стороне снежные вершины казались легкими, как облака.

Я поставил рюкзак и достал камеру. Илья сел на корень, развернул бутерброды. Он не смотрел на пейзаж демонстративно, не поворачивался к нему спиной — просто находился внутри привычного вида.

— Ты когда-нибудь перестаешь это замечать? — спросил я.

— Что?

— Все.

Он оглядел воду, горы, лес.

— Перестаешь удивляться каждый раз. Замечать нельзя переставать. Тогда однажды выйдешь не в ту погоду.

Мы ели. По воде двигалась темная полоса ветра, еще далеко от берега. Илья следил за ней внимательнее, чем за облаками.

На мысе стояла небольшая площадка, вытоптанная посетителями. В каменной щели были зажаты монеты, конфетные обертки, пластиковая фигурка, чей-то браслет. Рядом лежал букет искусственных цветов.

— Зачем это оставляют? — спросил я.

— Думают, месту нужен подарок.

Илья собрал обертки в карман, но монеты не тронул.

— А это почему оставил?

— Не знаю, кто и зачем положил. Мусор узнаю, остальное — не мое решение.

На обратном пути темная полоса дошла до берега. Ветер зашумел в верхушках, тропа стала скользкой от летящей крупы. Мы замедлились.

У развилки я уже не спросил, какая дорога правильная. Посмотрел на подмытый склон, на свежие следы Ильи и пошел за ним по верхней.

Карта так и осталась в кармане.

Глава 5. Погода без извинений

К полудню озеро разгладилось. Снег на крышах растаял, воздух потеплел, и даже Дарья сказала, что день «похож на человеческий». Илья разрешил выйти на воду на два часа.

В лодке нас было четверо: Илья, я, Марина и Алена, невысокая женщина в серой шапке, приехавшая из научного центра забрать карту памяти с наблюдательной камеры. Она держала на коленях жесткий пластиковый кофр и смотрела не на пейзаж, а на воду у бортов.

— Нерп ищите? — спросила Марина.

— Нет. Если искать, увидишь все, кроме нее.

— А как тогда?

— Работает. Иногда она сама появляется.

Лодка шла вдоль берега. Склоны поднимались прямо из воды, темные сосны держались за камень корнями. В расщелинах лежал снег. Солнце светило в лицо, и я расстегнул куртку.

Через двадцать минут Илья велел застегнуться.

— Почему?

— Потому что скоро спросишь перчатки.

На северной стороне неба появилась узкая матовая полоса. Она была едва заметна. Вода сохранила блеск, берег не изменился, но Илья прибавил ход и повернул ближе к суше.

— Мы же не доехали, — сказала Марина.

— До камеры доедем в другой раз.

— Но там еще солнце.

Алена повернулась к ней.

— Ветер не обязан начинаться там, где вы на него смотрите.

Первые порывы пришли со спины. Воздух сразу стал холоднее. Лодка ударилась о короткую волну, потом о вторую. Илья больше не поддерживал разговор. Он смотрел вперед, одной рукой держал румпель, второй показывал нам сесть ниже.

Берег, который минуту назад казался близким, вдруг отступил. Расстояние не изменилось — изменилось наше отношение к нему. Я застегнул куртку до подбородка и почувствовал, как вся утренняя самоуверенность сжалась до простого желания оказаться на суше.

Мы вошли в бухту, когда по открытой воде уже шли белые полосы. Илья подвел лодку к камням. Я выпрыгнул первым, зачерпнул сапогом ледяную воду и едва удержал нос. Алена молча протянула мне веревку. Вместе мы вытащили лодку выше прибоя.

Марина стояла на берегу бледная.

— По прогнозу этого не было, — сказала она.

Илья закрепил канат за корень сосны.

— Теперь есть.

— Вы могли предупредить.

Он поднял голову. В его взгляде появилось усталое недоумение.

— Я предупредил, когда увидел.

— Нужно было раньше.

— Раньше я не видел.

Марина ушла по тропе к поселку. Алена сняла мокрые перчатки и отжала их.

— Не спорь, — сказала она Илье. — Человек испугался.

— Я тоже испугался.

Он произнес это просто. Мне казалось, опытный проводник должен сказать обратное, и именно поэтому я запомнил его слова.

Мы шли домой под косым снегом. Вода в сапоге хлюпала, пальцы онемели, камера лежала под курткой. Я ни разу не достал ее.

Вечером Дарья поставила мои сапоги у печи, набила их газетой и сообщила, что при первом же солнце просушит стельки.

— Хорошо сходили? — спросила она.

— Не дошли.

— Значит, особенно хорошо.

Я ждал пояснения. Она не дала.

За окнами бушевал ветер. В доме отвечали плохо закрепленный лист железа, сухая ветка, щель в раме. У берега тяжело ходила вода.

Глава 6. Та, которая уехала

На следующее утро Марина собрала вещи.

Она складывала одежду аккуратно, с тем сосредоточенным раздражением, которое появляется, когда решение принято ночью и теперь требует только исполнения. Штатив не помещался в чехол. Она несколько раз расстегивала молнию, перекладывала зарядные устройства и снова начинала сначала.

— Машина будет в одиннадцать, — сказала она, заметив меня в дверях. — До Иркутска успею вечером.

— Из-за вчерашнего?

— Не только. Здесь все устроено так, будто человек должен постоянно оправдываться за то, что хочет удобства.

— По-моему, никто не требует.

— Вот именно. Никто ничего не требует, не объясняет, не поддерживает. Все только говорят: погода, ветер, вода. Как будто это ответ на любой вопрос.

Я хотел защитить Илью, Дарью, озеро. Потом понял, что у Марины есть право на неприязнь. Ей действительно было холодно. Электричество пропадало. Намеченные поездки отменялись. Обещанная тишина оказалась не мягкой паузой, а пространством, где мысли звучат громче обычного. Она приехала за отдыхом, а место не подписывало с ней такого соглашения.

— Может, дать себе еще день?

— Зачем?

Вопрос был честным. Я не нашел ответа.

За завтраком Дарья завернула Марине в дорогу пирожки и банку варенья. Не убеждала остаться, не расспрашивала о причинах. Только проверила, достаточно ли теплая у нее куртка для перевала.

Машина опоздала на сорок минут. Пока ждали, мы сидели на лавке у калитки. Ветер стих, вода снова стала гладкой. С такого берега отъезд выглядел почти нелепо.

— Вот видите, — сказала Марина. — Сегодня прекрасная погода. А я все равно хочу уехать.

— Значит, дело не в погоде.

— Наконец-то мы согласны.

Она улыбнулась. Напряжение ушло из ее лица.

Перед тем как сесть в машину, Марина протянула мне визитку.

— Если напишете книгу, не делайте из тех, кому здесь плохо, слабых людей.

— Я пока не пишу книгу.

— Тогда тем более запомните.

Машина скрылась за поворотом. Дарья вернулась на кухню, Илья ушел к лодке, собака легла под крыльцом. Никто не обсуждал отъезд.

В тот день я долго ходил по берегу. Мыс, на который собиралась Марина, был виден издали. Над ним стояло чистое небо. Тропа выглядела простой. Но теперь я знал, что пейзаж не обязан подтверждать правильность решения. Он вообще ничего не подтверждает.

Иногда человек уезжает не потому, что не выдержал. Он просто вовремя понимает: это не его место и не его способ жить. В таком отказе может быть больше честности, чем в героическом терпении.

Вечером я написал в блокноте: «Байкал принимает не всех» — и сразу зачеркнул. Фраза приписывала озеру право судьи, которого оно не просило.

Ниже написал иначе: «Не каждый человек выбирает оставаться рядом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.